

* * *

Затхлый запах кулис,
Лестничный лабиринт...
Голос тянется вверх!
Эхо падает вниз...
И бежит вслед за мной –
Отраженьем игры –
Лицедейство и ложь
Многоликой судьбы...

* * *

От скорби на губах вкус соли...
Я – русский. В этом много боли.

* * *

Простите нас за то, что мы живем
И дышим с вами воздухом единым.
Простите нас, ведь завтра мы уйдем
За сумасшедшей лампой Аладдина.

* * *

На рынке ландышей сезон.
Над болтовней и грохотом трамвайным
Плывет блаженный запах...

* * *

Решишь ли ты,
Что за стеной
Хлопочет вьюга,
Иль это дом
Играет сам с собой,
И петли туго
Заныли, напугав
Покой мышей,
И сбили ход часов,
Стрекочущих в душе...
Все – ничего:
Дом сохраняет тайну,
Не зная ничего
Про мысли ход.
И бьют часы –
Надменно и печально,
Пуская все фантазии
В расход.

* * *

Нельзя века менять на сало.

* * *

...Фома, Фома, разве ты не понимаешь,
что только сторож ты теперь
у гроба мертвой правды.

Л. Андреев. Иуда Искариот

Иуда из Кариота –
Логический ход идиота...
Не липнет слово к слову,
Строка к строке...

У меня в руке
Воет желтая нота!..
В заунывной тоске
Звенит она,

Полна, как болото,
Взрывом слоеных веков –
В позолоте дерьма –
На последнем оплоте оков.

Мертвая правда материков
И тишина – гробовая –
Заколоченная сторожами ума
В крест любви и страдания,

От которого бездны сползает чума
На предавшего поцелуем,
Как с куста и во имя
Заклания...

Пик сука – на века! Сука – в пику!
Меж землю и небом – крик!..
Вопросительным знаком осины
Его лик.

Он удит, как причина всей боли –
В безысходности глупого сна –
Исполнитель предательской роли,
Доигравший до самого дна.

* * *

Машут руками деревья, надсадно машут,
Ветер хватают в паучью гибкую щепоть..
И под моим окном одного безумно пляшут,
Пестрый лоскут весны извивая в февральскую копоть.

* * *

В древние кельи повадилса ворон летать: – Риар!
Черною силой священный уклад смущать: – Риар!
Белые звезды топить в вязкой хляби бездонных туч: – Риар!
Путников поздних губить по затонам лешачьих буч: – Риар!!

* * *

Нежнее снежинки,
С неба упавшей
На твой воротник,

С ветром и ворсом игравшей,
Чтоб дальше упасть
В снег – белее, чем стих,

Нежнее твой образ
Созданья живого –
Упавшей симметрии мира иного.

* * *

Стерли память у народа:
Нет ни выхода, ни входа.

* * *

В театре вечный гул и суета...
Но все проглотит быта пустота.

* * *

Каков Одиссей, такова и Пенелопа.

* * *

Женщина – нечто между
Бабочкой, цветком
И гусеницей...
Сколько шарма, грации,
Секса, витиеватости,
Впадинок, оттенков
И загогулинок
В этих сфинксах
Уайльдовского толка!..
Бегущие мотыльки,

Порхающие орхидеи,
Похотливые гусеницы...
Все это они –
Женщины –
Вечные адепты
Лунного света.

* * *

Над полем, как испарина, туман.
Сегодня я лечу к реке!..
Мелькнул табун несущихся коней.
А воздух, как вода: холодная...
Вдруг – теплая волна...
Пьянит меня поток небесный
Настоем звездного вина –
На боли дней...
Легко и зябко крыльям лететь туда,
Где пеплом облаков
Подернулся закат.
Размерен и спокоен взмах!..
К реке, к реке! Сквозь грязь и кровь и ад!
Там ждет, в туманной зяби, меня
Твой взгляд – у вод бездонной глади.
И жало одинокого огня –
Над сорванной завесой,
Взмывая чистым ангелом над бездной,
Неспешно нас десницей осенит,
И в полночи чернильной растворится –
В свой звездный улей, словно пуля поспешая!..
Кошмар разбит.

ПЕСЕНКА

Я хочу прогуляться во сне
По веселой жемчужной Луне...
И тебя я с собою возьму
На веселую эту Луну.

По проспектам с тобой мы пройдем
И в какой-нибудь скверик зайдем,
И на лунной скамеечке я,
Как во сне, поцелую тебя...

Там лунатики, как солдатики,
Бирюзовые песни поют...
И на кратере, как на катере,
Через лунное море плывут.

А потом в серебристом кафе
Под названием «Лунный Орфей»
В белом танце закружимся мы,
Улетев от земной кутерьмы...

– Ты прекрасна, как лунный сонет, –
Я воскликну. – Так любишь, иль нет?..
Ты шепнешь, отступив на шагок:
– Невесомы здесь чувства, дружок.

Там лунатики, как солдатики,
Бирюзовые песни поют...
И на кратере, как на катере,
Через лунное море плывут.

* * *

Гармония – согласие с бредом
Того, что было, есть и ждет.
Любовь к туманным Андромедам
И вера в разума полет,

И с ветром – песенка степная,
Звонок стрижа в закатный час,
Война, как гром – в начале мая!.. –
Все это ждет согласия в нас.

* * *

Что держит птицу на лету
Так долго?..
Я не о крыльях говорю,
Не чувстве долга.

Что тянет некоторых птиц
К полету?..
Я не о мошках говорю –
О нотах

Небесных сфер, в которые
С гнезда их тянет,
И верит каждая,
Что вдруг достанет

Крылом до самой чистой,
Высшей ноты!..
И в этой ноте –
Тайный ключ полета.

* * *

Растопырь свои уши
И слушай...
Слышишь? В комнатах
Шарят Немуши...

По углам беломраморным
Шепот...
Но не видно, кто сеет здесь
Ропот.

Шелестит в закоулках
Пространство...
Знать, и впрямь здесь
Немушино царство!

Кто же эти Немуши?
Их сколько?!..
Нет ответа. Лишь шорох...
И только.

* * *

Мне бы снова ту майскую ночь,
Чтобы рядом ты и звезда...

Мне бы снова, в маке губ сочных,
Отыскать поцелуем «Да!»...

И вьюгой белой – черемухой снежной
Слететь с поднебесных круч.

Чтоб до утра на плечах твоих нежных
Таять, как лунный луч.

Когда я слышу вой собак,
Сидящих на цепи,
Мне стыдно, тошно и темно,
И некуда идти.

СОЧИ

Прозрачная соленая вода,
Холодная холеная медуза...
Я вас не позабуду никогда,
Зеленых гор подковная обуза.

Я в море заходил, как Герострат,
Отдавший спички роковым лисичкам.
А волн соленых резвый гандикап
Искрился солнца брызжущим различьем...

И в сочном шлепанье о каменный голыш
Волны и пятки розовой ребенка
Я видел Сочи – в разноцветье крыш,
В надрывной наготе рекламы звонкой,

Как проплывал над морем самолет –
Дельфином – с куце-спешным интервалом!..
Казалось: море вместе с ним плывет,
Чтобы степенно сесть у перевала.

Скрутившись броненосцем, стадион,
Фасетками чешуй стальных сверкая,
Играл под небом сочинским в пинг-понг,
В чешуях мячик солнца отражая...

И вдруг с горы на вас сползала ночь,
Как занавес, который дан в запале,
Чтоб вечер, поклонившись, смог помочь
Зажечь звезду на заднике – в финале...

Сквозь синий сумрак видел я закат
Всех сочных действий сочинского неба...
Над горной декорацией сверкал
Кристалл, что выше зрелища и хлеба.

ИЗ УЖЕ НЕВОЗМОЖНОГО ДЕТСТВА

Сиреневая ваза на столе –
Вся в сонной паутине летней тени...
Сегодня утра зов влетит ко мне
Сквозь занавеску – солнечной метелью.

Янтарный закружится хоровод,
Искринки солнца вспыхнут в дремном доме!..
Чуть скрипнет в спальне бабушкин комод,
Дав знак проснуться временной хороме.

Скорбят иконы в одесном углу,
Мелькнувший доброхот скользнет за печку,
Насыпав для остратки в щи золу...
И день ворвется сквозняком беспечным!

ДОЧКЕ

Сегодня мы с папой,
Сегодня мы с папой,
Идем покупать мне
Чудесную шляпу

И много больших
Разноцветных шаров! –
Сто тысяч – до неба!..
И пару коров,

Летающих очень
Изящно и ловко
И машущих крыльями
Белыми звонко!..

Ах, что за чудесная
Будет прогулка! –
Лететь в новой шляпке
Над городом гулким...

А рядом – мой папа
В гирлянде шаров,
Привязанных к паре
Летящих коров!!

* * *

Скукожившись голубем
Спит на крыльце аптеки –
Получка сегодня.

* * *

Крик одинокой птицы
Над степью закружится,
Ветрами колосится кивающий ковыль...

Обив порог дороги,
Он видит, как сквозь ноги
Струится странствий пыль...

Отбросив цепи срока,
Дорожную морокой
Шагает одиноко седой как лунь мужик...

Он видел все на свете,
Он за себя в ответе,
Он знает – он привык.

* * *

Цикада поет...
Ее крылышки сверкают
Под лунным отсветом моря...
Она одинока.
Ах, цикада!
Я ведь тоже так одинок,
Как бык на покинутом стойбище,
Как стебелек одинокой травинки...
Льдинки у сердца звенят –
Колют и колют иголкой
Тонкой, лдяной,
Прогорклой...
Однако ж мир все так же
Широк душой,
Как ты и я, как мы...
Цикада, пой! –

Я навеки с тобой.
Звени и пой...
Ты светла!
Ты – весенний гобой!..

И в одиночестве в этот миг происходит сбой –
Когда мы вместе... Ты просто пой!

* * *

Рылом в закат
Уткнулась небесная рыба...
В омуте мая рыдает сверчок.

* * *

Отцветает сирень...
Лето тянет к небу ручонки свои –
Листья клена/

* * *

Кошка нюхает ветер.
Теплой лапой ее он ласкает...
Нежный июнь.